Г 2012 2

Библиотека Ивана Сергеевича Забелина

II.

АНТОНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛОВАТЫЙ.

Въ блестящемъ сонмѣ сподвижниковъ Екатерины II явился, въ числѣ замѣчательныхъ дѣятелей XVIII столѣтія, воинъ храбрый и умный, отличавшійся необыкновенною способностью сразу обнять и обсудить предметъ; онъ горячо любилъ свое Запорожье и, пользуясь постоянно благосклонностію Императрицы, дѣятельно ходатайствовалъ при дворѣ за своихъ земляковъ, несмотря на молодость и малый чинъ, управляя умами старыхъ сѣчевиковъ: это Антонъ Васильевичъ Головатый.

Никто не могъ быть женатъ въ Сѣчи (1); одинъ только Головатый получилъ разрѣшеніе вступить въ бракъ, увѣривъ начальство, что желаетъ быть священникомъ въ войскѣ, но женившись, не захотѣлъ исполнить своего обѣщанія, и жена его все время жила на хуторахъ внѣ Сѣчи.

Головатый былъ средняго росту, имѣлъ смуглое лицо, носилъ большіе усы и оселедецъ, который заматывалъ нѣсколько разъ за лѣвое ухо, говорилъ просто, свободно, чисто изъяснялся по-русски, изрѣдка украшая свою рѣчь запорожскими поговорками. Сперва онъ былъ казакомъ-товарищемъ Кущовскаго куреня, въ 1770 году назна-

(1) Только неженатые составляли собственно товарищество или Сѣчь Запорожскую, могли участвовать въ военныхъ подвигахъ и избирались въ старшины. Нарушеніе этого устава въ Кошѣ почиталось уголовнымъ преступленіемъ и наказывалось даже смертію.

40 4 95

ченъ въ команду, находившуюся *при боку* кошевого Калнышевскаго (Петро Калнижъ), скоро достигъ званія полкового старшины, а 3-го іюля 1771 года, какъ человѣкъ грамотный и знающій *распорядокъ* судебный, избранъ писаремъ въ Самарскую поланку, вмѣсто Павла Попатенка. Къ 1773 году Головатый ѣздилъ въ столицу съ объясненіями по случаю постройки Днѣпровской линіи, въ 1774 году снова отправленъ къ Императрицѣ съ двумя челобитными: въ одной челобитной запорожскаго войска сказано, что: «вѣрноподданически просимъ В. И. В. земли и угодья войска Запорожскаго Низовою сею (т. е. правою) стороною Днѣпра, подъ Елисаветградскую провинцію, а того Донскому войску отшедшія и самовольно *владящими* (поселенцами) захваченные, какъ оные по всесвѣтному знанію и весьма древнѣйшей давности, суть единаго войска Запорожскаго Низоваго, добровольно подъ державу Высочайшаго Всероссійскаго В. И. В. престола, пришедшаго, всѣ войску Запорожскому возвратить, и какъ на сіи возвращенныя, совсѣми живущими, такъ и на тѣ, кои обома сторонами Днѣпра будучи собственные единаго войска Запорожскаго Низоваго, за симъ войскомъ остаются, при нашихъ правахъ, вольностяхъ и поселеніяхъ, владѣнію таковому какъ и предки наши имѣли, не только въ недавнемъ времени, но егда и подъ польскою короною были, да и прежде, Высочайшую В. И. В. грамоту пожаловать, коей къ полученію, сего подноситель войска Запорожскаго Низоваго, полковой старшина *Антонъ Головатый* и препровождается къ В. И. В. и т. д. (12-го марта 1774 года). Въ другой челобитной изложены были жалобы на главнаго командира Новороссійской губерніи, генерала Воейкова, комендантовъ крѣпости св. Елисаветы и др. Отправляясь, Головатый получилъ изъ Сѣчи инструкцію: «если согласнаго съ просьбою чрезъ два мѣсяца не сдѣлается, такъ съ вѣдома кого надлежитъ имѣть, возвращаться въ Кошъ.» Явясь въ столицу, онъ увидѣлъ, что Дворъ занятъ турецкою войною, и потому не надѣялся на успѣхъ въ своемъ дѣлѣ. Но Императрица милостиво выслушала его, вручила ему грамоту отъ 22-го мая 1774 года, въ которой изъявила готовность простить запорожцевъ, если они своими поступками не навлекутъ снова ея гнѣва. «Сколько съ одной стороны — вѣщала она — вѣрность и храбрость войска запорожскаго является въ настоящей войнѣ къ своей отмѣнной хвалѣ и истинному Е. В. удовольствію, столько съ другой стороны производятъ въ ней огорченіе продолжающіяся безпокойства и замѣшательства, по поводу границъ, въ земляхъ между сѣчью и Новороссійскою губерніею». Государыня приказала: «Оставить все въ настоящемъ положеніи, прислать ко двору Е. И. В. двухъ или трехъ депутатовъ, снабдивъ ихъ всѣми документами и граматами, дающими право на владѣніе ихъ землями».

Потемкинъ, назначенный 31 мая 1774 года новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, обѣщалъ съ своей стороны содѣйствовать пользамъ запорожцевъ и послалъ кошевому Калнышевскому съ Головатымъ письмо, карманные *дзигарки* (т. е. часы) и оксамиту (бархату). Такимъ образомъ Головатый явился въ кошъ съ царскою грамотою, письмомъ и подарками (1).

Запорожцы, прочтя грамоту, посовѣтовались на большой войсковой радѣ и порѣшили, что правительство, недовольное своевольными поступками Сѣчи, предпринимаетъ какую-то рѣшительную мѣру, и что для отвращенія опасности немедленно надо избрать вновь депутацію и послать въ столицу, испрашивая снисхожденія у самой Императрицы. Депутатами избрали: войскового эсаула *Сидора Бѣлаго* (2), войскового старшину *Логина Мощенскаго* и полкового старшину *Антона Головатаго*. Депутаціи вручены были тѣже акты, которые Головатый и прежде возилъ съ собою; но тогда, по случаю войны съ Турціею, они не могли быть разсмотрѣны. Сверхъ того, по принятому въ Запорожьѣ обычаю, съ ними послано нѣсколько *подводъ съ презентами* (3), для важнѣйшихъ лицъ при Дворѣ.

Депутаты получили изъ Коша двѣ инструкціи: одну явную, а другую секретную. Въ первой написано: «Принявъ отъ войска Запорожскаго Низоваго всеподданнѣйшую къ Е. И. В. просьбу, поѣзжать въ С. Петербургъ, къ Высочайшему Е. И. В. двору; куды за прибытіемъ и за явкою у его сіятельства г. генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго, объявить о себѣ и просить у его сіятельства и у кого надлежитъ, доставленія васъ къ Е. В. для поданія просьбы и по оной ходатайства: о возвращеніи войску всѣхъ отшедшихъ и захваченныхъ зъ подъ войска земель и пожалованіи чрезъ васъ Высочайшею Е. И. В. грамматою, утверждающею оныя за войскомъ Запорожскимъ. При чемъ сверхъ граматы 7146 и универсала гетмана Хмѣльницкаго 1655 г. съ чего копіи при просьбѣ чрезъ васъ препровождаемой приложены, вручаются вамъ копіями: выпись изъ *договора* вѣчнаго мира Россійскаго съ Польскимъ государствомъ, 1686 года, III пункта въ Бѣлой церкви заключеннаго, и выписку изъ конституціи сейму 1717 году въ Варшавѣ бывшаго, о границахъ между трехтеміровымъ и старостомъ Канёвскимъ. Еслижь потомъ согласнаго просьбѣ чрезъ

---

(1) О началѣ службы Головатаго Квитка ограничился слѣдующими словами: «Головатый былъ въ Сѣчи какимъ-то чиновникомъ, *кажется*, войсковымъ писаремъ». См. От. Зап. 1839 года, № 10.

(2) У Основьяненки (Квитки) вмѣсто *Сидора* Бѣлаго сказано, что въ депутаты назначенъ *Семенъ* Бѣлый. См. От. Зап. за 1839 г № 10, стат. Головатый.

(3) Презенты состояли изъ лошадей, вина, фруктовъ, мѣховъ, визиги, лимоннаго соку, свѣжей и сушеной рыбы и т. п.

три мѣсяца не сдѣлается, такъ съ вѣдома кого слѣдуетъ, возвращаться въ Кошъ. 24 сентября 1774 года.» Въ секретной инструкціи исчислялись границы запорожскихъ владѣній и приказано было требовать всѣ упомянутыя въ ней земли (1).

Надо замѣтить, что запорожцы издавна приглашали значительныхъ вельможъ записываться въ сѣчевые казаки, чтобы имѣть всегда при дворѣ сильныхъ защитниковъ. Такъ въ сѣчевики вписались Л. А. Нарышкинъ, генералъ Стрекаловъ и Г. А. Потемкинъ; послѣдній числился въ Кущовскомъ куренѣ и извѣстенъ былъ подъ именемъ «Грицко Нечѐса». Къ нимъ-то въ случаѣ нужды и прибѣгала Сѣчь съ просьбою о помощи.

Депутаты были уже далеко отъ родной Сѣчи, какъ тамъ получено письмо Потемкина отъ 8 декабря 1774 года; но оно писано было не прежнимъ товарищемъ «Грицко Нечосою», а строгимъ судьею запорожцевъ. Онъ упрекалъ ихъ въ разныхъ безпорядкахъ и увѣдомлялъ, что «предложилъ новороссійскому губернатору Г. М. Черткову, чтобы онъ со всѣми до того принадлежностями, такъ какъ и описаніемъ причиненныхъ жителямъ оной губерніи обидъ и разореній, явился къ нему, и въ тоже самое время слѣдуетъ неминуемо быть и ожидаемымъ отъ войска Запорожскаго депутатамъ». Не доброе предвѣщало это письмо, сѣчевики призадумались; не унывалъ одинъ кошевой: «що буде то буде — говорилъ онъ — а буде що Богъ дасть».

Между тѣмъ депутаты въ сопровожденіи двадцати одного человѣка, по три отъ каждой паланки, выдержавъ карантинъ въ Царицанкѣ,

---

(1) Только часть этой инструкціи дошла до насъ. Она состоитъ изъ трехъ пунктовъ и даетъ намъ полное понятіе о владѣніяхъ запорожскаго Коша:

«1) Трехтеміровъ се всѣю принадлежностью и Чигринъ, нынѣ въ Польской сторонѣ остаючіеся, по универсаламъ и по записямъ данные отъ Королей Польскихъ, оставаться должны владѣнію Запорожскому, до Тясьмины по Днѣпру.

«2) Отъ Тясмина внизъ по Днѣпру и чрезъ Лиманы Днѣпровый и Боговый по Очаковскіе улусы, а тою стороною Бога по рѣчку Синюху; Синюхою-же и прочими рѣчками и Тясьминою даже до Днѣпра; въ сихъ рѣкахъ, какъ и въ прогнойныхъ озерахъ и приморскихъ берегахъ, всякіе довольства при своихъ вольностяхъ, Запорожскіе Казаки имѣли и имѣютъ нынѣ въ тѣхъ мѣстахъ, кои не отошли съ подъ владѣнія Запорожскаго.

«3) На той сторонѣ Днѣпра отъ устья Орели, оная рѣка до вершины ея, и отъ вершины чрезъ степь прямою линіею до устья рѣки Дону, а отъ онаго внизъ по надъ Азовскимъ моремъ, до Татарскихъ границъ; и отъ устья Орели по надъ Днѣпромъ до Татарскихъ-же границъ: всѣ земли состояли съ прежде и внутри ихъ Самарь и прочіе во владѣніи Запорожскомъ, какъ съ ними и пришли съ подъ Польской державы, до захваченія Узюмскими, Торскими, Бахмутскими, нѣкоторыхъ земель подъ поселеніе и приморскихъ косъ и прочіи степу, до отдачи Донскимъ козакамъ». См. Ист. Нов. Сѣч. изд. I, стр. 331.

пріѣхали въ Москву (¹) въ декабрѣ мѣсяцѣ 1774 года; скоро прибыла въ столицу и Императрица со всѣмъ дворомъ и министрами. Представившись Императрицѣ, Головатый увѣдомилъ кошевого Калнышевскаго отъ 6 февраля 1775 года, что: «Коня бѣлаго при письмѣ Великому князю Е И. В. Павлу Петровичу нами доставлено, за котораго Е. В. вашей вельможности и всему войску Запорожскому, изустно при нашей бытности благодарилъ; а каштановатый Григорію Александровичу г. генералу Потемкину отданъ.» Въ слѣдующемъ письмѣ Головатый ясно высказываетъ свои опасенія насчетъ успѣха въ ихъ дѣлѣ: «Теперь уже мы вступили въ дѣло, только не весьма весело кажется; господа генералы: Потемкинъ, Вяземскій и братъ мой (по куреню) Стрекаловъ сердиты: Разумовскій, Панинъ, Чернышевъ и др. пр. пр. ласково съ нами обходятся. Мы теперь не непротивъ прочихъ прежде бывшихъ въ радости живемъ, почти всякій день отъ Новороссійской губерніи получаемъ новыя вѣсти. Прямо сказать, всякаго дня новая радость, а просителей на насъ, вокругъ нашей Запорожской земли живущихъ, у Григорія Александровича въ компатахъ не продути, такъ тѣсно. Только отдымайсь да отдымайсь. И самъ тутъ Потемкинъ чрезмѣрно пужаетъ за все и угрожаетъ симъ, что онъ Е. В. докладъ учинитъ; такъ сердитъ, что и сказать нельзя. Слыхали мы отъ Потемкина, что въ недавнемъ времени, Коммиссарскій писарь *Вырминка* наѣхавъ на слободу Лиховку, разорилъ; тутъ намъ хорошій былъ пиръ; котораго (писаря) поймали и везутъ въ Москву, что то будетъ? якъ привезутъ, почуемъ. А *Велигура* Калміусскій полковникъ, отрѣзалъ косы у Донцовъ по Міусъ и за се у Потемкина пили мы крѣпкій пуншь. Нашихъ Дунайцевъ (т. е. казаковъ, служившихъ на Дунаѣ по волѣ Коша въ лодкахъ) оболгалъ какой-то генералъ, что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ-бы иттить пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства, а когда мы ему сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ не вѣритъ; такъ я ему сказалъ: «какъ въ свѣтѣ есть ложь, они бѣдные остались по причинѣ своихъ лодокъ, да хотя и пошли пѣшкомъ, какъ сказано на грабительства, но что они пѣшіе занесутъ?» А Потемкинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ ухватокъ, а узду за поясъ одну, либо въ саквахъ двѣ, то на ихъ и коней весьма скоро добуть могутъ, чтобъ не пѣшому быть каждому.» Завѣряю васъ, что̀ уже надъ нами не произходитъ! Только не трусимъ да и вы держитеся добре за корму; что Богъ дасть! въ его святой воли все зависитъ.»

7 Апрѣля 1775 года писалъ Головатый, что докладъ о ихъ челобитной уже сдѣланъ Императрицѣ и будетъ разсматриваться въ со-

(¹) У Квитки сказано, что депутаты посланы были въ Петербургъ.

вѣтѣ. Потомъ сообщалъ, что за раззореніе Царицанскаго карантина, за удержаніе пикинернаго офицера и другія буйства виновные взяты въ самыхъ предѣлахъ войска и какъ преступники привезены въ Москву, для суда. Изъ этого Кошъ и депутаты могли заключить, что правительство дѣйствуетъ рѣшительно. Далѣе онъ описываетъ: «Генералъ Стрекаловъ сказалъ: «а земли, что называются въ челобитныхъ вашихъ, нашими, почему де вы ихъ присвоили?» На что мы ему отвѣтствовали: «что съ ними пришли подъ державу Россійскую въ подъ Польской короны, имѣемъ письменные на то документы.» А Стрекаловъ говорилъ: «когда де вы измѣнили (1709 г.), то земли и права свои потеряли.» — «Правда,» мы ему сказали: «когда были мы подъ державою Турецкою, то съ тимжь и пришли подъ Россію, съ симижь землями, да имѣемъ покойницы Анны Іоанновны Императрицы граматы простительныя, всѣхъ нашихъ винъ; она оставила насъ при всѣхъ нашихъ правахъ, вольностяхъ и земляхъ, по прежнему. Какъ онѣ и не отходили отъ насъ, такъ такъ и есть, и надѣемся вѣрно, что въ Россіи архива не сгорѣла, въ нихъ есть прежнихъ государей отпуски граматъ въ войско, съ якихъ ясно усмотрѣть можете, когда на наши копіи не вѣрите.» Стрекаловъ сіе и самъ утвердилъ, что есть архива цѣла и будемъ де искать по иностранной коллегіи, — а намъ сказалъ, что «васъ позовется въ совѣтъ.» Теперь мы сего дошли, что поручено въ иностранной коллегіи Нѣмцу полковнику Мійнеру (т. е. исторіографу Миллеру) выписку чинить, съ якой часть уже нами скопѣевано и посылается; съ ней усмотрѣть можете предковъ нашихъ борьбы съ Турками, Молдавіею, Ляхами и Россіею, только не все сіе окончено, а течетъ выписка и сего стараться будемъ достать; выписку сію въ свѣтѣ приговорено чинить по большей части Никитою Ивановичемъ Панинымъ, онъ много оспаривается съ ними за насъ. На сихъ дняхъ Потемкинъ объявилъ намъ, что Вырминка привезенъ и съ нимъ три козака и содержатся они подъ карауломъ въ Преображенскомъ полку въ кандалахъ; а какъ мы его Вырминку оправдывать стали, что не допускаетъ онъ землями нашими користоваться поселянъ Новороссійскихъ не самъ собою, но съ повеленія команды своей, такъ Потемкинъ сказалъ: «пошлется де грамота въ Кошъ, чтобъ самъ кошевой съ писаремъ его Глобою, пріѣхалъ въ Москву на отвѣтъ.» Мы ему на сіе отвѣтствовали: «что Кошевой и старшины сему не причинны и дѣлается сіе отъ общества; Кошевому и старшинамъ ежедневно кучатъ старики отаманы и войско о семъ, что негдѣ селится, да оножь сверхъ сего было наше и есть.» Присланныя письма зъ Коша чрезъ Ѳедора Дона, Потемкину, мы ему споручили, между якими онъ съискалъ себѣ весьма пріятное, такъ что говорилъ намъ: «и я де такое напишу отъ себѣ въ Кошъ, что и

не прочтутъ;» а мы ему сказали: «въ войску нашемъ не безъ грамотныхъ, есть сыщется, прочитаютъ.» И хотѣлъ Потемкинъ биться объ закладъ съ нами, да и говорилъ, что «Глоба вашь въ войскѣ не захочетъ его читать, а я да ваше пособщалъ разумнымъ людямъ для любопытства.»

Головатый, узнавъ, что указъ объ учрежденіи Азовской губерніи изъ-за днѣпровской части Новороссійской губерніи и Бахмутскаго уѣзда уже состоялся 14 февраля 1775 года, увѣдомилъ о немъ Кошъ. Въ апрѣлѣ Головатый писалъ къ кошевому: «Слыхали мы, что пошлются въ наши земли землемѣры. Еще Потемкину кто то донесъ, будтобъ ваша вельможность обзаводите себѣ модные покои, такіе, какихъ никогда не бывало тамъ; и весьма богатыми всѣхъ Запорожцевъ ставятъ, а кольми паче Вашу Вельможность; что въ недавнемъ времени, продали въ Крымъ овецъ 14000 по 2 рубли за каждую, сіе самъ Потемкинъ намъ говорилъ....» Послѣднее письмо свое Головатый заключилъ словами: «Теперь, какъ видимъ, остается все наше дѣло на волѣ Божіей да на попеченіи Ея Императорскаго Величества!» (*).

Видя, что дѣла ихъ приняли весьма дурной оборотъ, Головатый сталъ пріискивать новыя средства для защиты Запорожья. Онъ вполнѣ сознавалъ, что существованіе Коша невозможно, при тѣхъ правахъ и вольностяхъ, которыя присвоили себѣ запорожцы, и пріискивалъ средства, которыя, ограничивая вольность запорожцевъ, сохранили бы существованіе самой сѣчи и дали возможность новыми славными дѣлами затмить былые безпорядки, смуты и самовольства. Такимъ образомъ онъ напалъ на мысль сдѣлать преобразованіе въ порядкахъ службы и управленіи Запорожья. Прежде всего предполагалъ немедленно удалить подъ разными предлогами изъ Сѣчи, если не на всегда, то по-крайней-мѣрѣ на долгое время, ненадежныхъ людей, которые своимъ буйствомъ и своеволіемъ могли бы нарушить общественный порядокъ; этому закону подчинялся всякой, кто бы онъ ни былъ — простой ли казакъ, или заслуженный старшина. Послѣ этого, объявивъ оставшимся новое устройство, сходное съ тѣмъ, какое существуетъ въ донскомъ войскѣ, сдѣлать всѣмъ перепись, положивъ неизмѣннымъ правиломъ не вписывать вновь никого, подъ строгою отвѣтственностію какъ всего войска, такъ и въ особенности нарушителя постановленнаго закона, позволить казакамъ вступать въ бракъ, имѣть и пріобрѣтать собственность; наконецъ одной части войска, по очереди, отправлять службу, по назначенію правительства, внѣ Сѣчи, а другой въ тоже время заниматься хозяйствомъ и службою дома.

(*) Ни одно изъ этихъ писемъ Головатаго не помѣщено у Квитки.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, будучи вице-президентомъ Военной Коллегіи, гдѣ разсматривалось дѣло запорожцевъ, обратилъ вниманіе на Головатаго, котораго умъ, находчивость и острыя замѣчанія ему понравились; онъ обласкалъ Головатаго, полюбилъ его и часто говорилъ съ нимъ о судьбѣ Запорожья. Къ нему-то и рѣшился Головатый представить проэктъ свой. Явясь къ Потемкину, онъ показалъ ему поименный списокъ, кто и подъ какимъ предлогомъ долженъ быть непремѣнно удаленъ изъ Сѣчи; увѣрялъ, что всѣ остающіеся старшины и казаки будутъ вѣрны Россіи и сами желаютъ преобразованія.

Князь Потемкинъ, казалось, спокойно слушалъ Головатаго, но потомъ вдругъ прервалъ его: «Право!» и, бросивъ бумагу въ уголъ, сказалъ: «Не можно вамъ оставаться. Вы крѣпко разшалились и ни въ какомъ видѣ не можете уже приносить пользы. Вотъ ваши добрыя и худыя дѣла». Съ этимъ словомъ онъ показалъ Головатому толстую тетрадь, въ которой исчислены были всѣ хорошія и худыя дѣла Запорожья и размѣщены одни противъ другихъ. «Все было записано вѣрно» — разсказывалъ Головатый — «ни одно обстоятельство изъ обоихъ дѣйствій не было сокрыто или ослаблено, только хитра писачка що зробивъ? Худыя дѣла Сѣчи написалъ строка отъ строки пальца на два и словами величиною съ воробьевъ, а что добраго Сѣчь сдѣлала, такъ то было писано часто и мелко, словно макомъ усыпано. Отъ-того-то наши худыя дѣла занимали больше мѣста, нежели добрыя».

Черезъ нѣсколько времени Головатый, ничего не предчувствуя, пришелъ по обыкновенію къ князю. Потемкинъ, увидѣвъ его, сказалъ: «Все кончено. Телели доноситъ (донесеніе о взятіи Сѣчи было писано Телеліемъ изъ лагеря при ней, отъ 6-го іюня 1775 года), что онъ исполнилъ порученіе. Пропала ваша Сѣчь!» Пораженный этою вѣстью, не помня себя, Головатый запальчиво возразилъ: «Пропали же и вы, ваша свѣтлость!» «Что ты врешь?» закричалъ Потемкинъ, «и притомъ такъ взглянулъ на меня», разсказывалъ Головатый, «что я на лицѣ его ясно прочелъ мой маршрутъ въ Сибирь, и потому крѣпко струсилъ. Надобно было поспѣшить смягчить гнѣвъ вельможи, и я, несмотря на сильную горесть, поразившую меня, скоро нашелся и отвѣчалъ ему: «Вы же, батьку, вписаны у насъ казакомъ; такъ коли Сѣчь уничтожена, то и ваше казачество кончилось». — «То-то же, ври да не завирайся!» сердито сказалъ князь.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, депутаты были переименованы въ армейскіе чины и отпущены изъ столицы. Головатый награжденъ чиномъ поручика.

Потуживъ о Запорожьи, депутаты выѣхали. Головатый отправился вмѣстѣ съ Бѣлымъ. Однажды, находясь въ какомъ-то особенно дурномъ расположеніи духа и разсуждая о своемъ несчастномъ положеніи, они думали даже лишить себя жизни. Съ этою цѣлію зарядили два пистолета и условились, чтобы Головатый прочелъ вслухъ всѣ ежедневно читаемыя молитвы, и когда надо будетъ читать «Вѣрую», то при словахъ: «и жизни будущаго вѣка» обоимъ приготовиться, со словомъ же «аминь», стрѣлять другъ въ друга, а если кто не будетъ убитъ на-повалъ сразу, тотъ долженъ дострѣлить себя самъ. Стрѣляться рѣшились на дорогѣ, чтобы никто не помѣшалъ.

Проѣзжая черезъ лѣсъ, они вышли, выбрали удобное мѣсто, обнялись какъ братья, потомъ простились до скорой встрѣчи въ лучшей жизни и заняли каждый свое мѣсто. Головатый сталъ читать молитвы. «Читалъ же я»-говорилъ онъ самъ-«совсѣмъ не такъ, какъ бывало читывалъ на клиросѣ, бѣгло, но сколько можно медленнѣе и всякое слово старался выговорить ясно; при окончаніи же каждой молитвы, клалъ по большему земному поклону; уже дошелъ до «Отче нашъ», все читаю. При словѣ «избави насъ отъ лукаваго» вдругъ пришла мнѣ мысль.... Я остановился, опустилъ пистолетъ и, обратясь къ Бѣлому, спрашивалъ:

— А знаешь що, батьку?

— А що? отвѣчалъ грустно Бѣлый.

— Вотъ се мы пострѣляемося?

— А тожь!

— И насъ тутъ найдутъ мертвыхъ?

— Эге!

— И скажутъ: вотъ два дурня, запорожцы, вѣрно напились мертвецки и пострѣлялись сами не зная чего. И насъ зароютъ какъ собакъ, и никто не узнаетъ, зачѣмъ мы пострѣлялись, и намъ не будетъ ни славы, ни чести, ни памяти.

— Такъ що робыти? воскликнулъ Бѣлый, послѣ недолгаго размышленія.

— Цуръ ёму стрѣлятися, батьку! Поѣдемъ дальше.

— Справды, цуръ ёму! Поѣдемо, сказалъ Бѣлый и также опустилъ пистолетъ.

— Что́ будетъ, то и будетъ; поѣдемо! повторили оба, спрятали пистолеты на мѣстѣ, гдѣ думали лишить себя жизни, потомъ бросились на колѣни, долго молились Богу, чтобы Онъ простилъ ихъ прегрѣшенія, наконецъ встали, радостно обнялись, *потянули изъ дорожной баклажки* и, перекрестившись, отправились въ дорогу.

Въ 1780 году Потемкинъ самъ пріѣхалъ въ край, ввѣренный его управленію, и, обозрѣвъ его, убѣдился, что для исполненія давно предначертанныхъ имъ плановъ и для пользы какъ Новороссіи, такъ и всей имперіи необходимо содержать сильное войско. Только имѣя подъ руками значительную армію, могъ онъ дѣятельно охранить обширныя границы новороссійскаго края отъ вторженія крымцевъ, турокъ и поляковъ. Занятый этою мыслію, Григорій Александровичъ поспѣшилъ скорѣе воспользоваться предложеніемъ Головатаго, который, соединившись съ бывшимъ полковымъ старшиною *Сидоромъ Бѣлымъ*, *Чепегою*, *Бурносомъ* и др., поднесъ ему адресъ отъ имени падшей Сѣчи объ искреннемъ желаніи всѣхъ бывшихъ запорожцевъ служить въ войскахъ русской царицы. Хорошо изучивъ бытъ, характеръ и свойства запорожцевъ, онъ умѣлъ изъ всего извлечь пользу и все направить ко благу Украйны.

Въ 1763 году крымское ханство покорено Потемкинымъ и повержено къ стопамъ императрицы Екатерины II; но чтобы удержать за собою это важное пріобрѣтеніе, надо было подкрѣпить и увеличить прежнее мѣстное войсковымъ, и притомъ такимъ, которое бы хорошо знакомо было съ образомъ военныхъ дѣйствій того края. Понимая это, Потемкинъ 1-го іюля 1763 года отдалъ приказъ:

«Ея Императорскаго Величества Генералъ Аншефъ, Командующій войсками въ Крыму и Южныхъ губерніяхъ расположенными и флотами на Черномъ, Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ Князь Потемкинъ».

«Объявляю чрезъ сіе тѣмъ изъ пребывающихъ въ Азовской губерніи, въ Славянской и Елисаветской провинціи жителей, кои въ бывшемъ войскѣ Запорожскомъ служили, что Полковому старшинѣ и арміи капитану *Головатому* (Антону) (*), препоручено отъ меня приглашать изъ нихъ охотниковъ къ служенію въ казачьемъ званіи, подъ моимъ предводительствомъ. Число сихъ козаковъ простираться будетъ конныхъ до 500 и пѣшихъ въ лодкахъ тожь число, которымъ опредѣляется довольное жалованіе и пропитаніе. Для сего желающіе да явятся въ Херсонъ къ Г. Бригадиру Синельникову (**)».

Со всѣхъ сторонъ начали стекаться вѣрные сѣчевики къ сборному мѣсту, и въ теченіи трехъ лѣтъ (съ 1783 по 1786 годъ) ихъ собралось значительное число. Потемкинъ назвалъ ихъ черноморскимъ казачьимъ войскомъ и взялъ подъ свое особенное покровительство. По званію царскаго намѣстника и генералъ-аншефа, онъ учредилъ (1786 г.)

(*) Вотъ когда Головатый былъ уже капитаномъ, а Квитка писалъ, что онъ награжденъ чиномъ капитана въ 1787 году, при встрѣчѣ Императрицы.

(**) См. Хронологическое Обозр. Ист. Новор. края Скальковскаго. Ч. I, стр. 158 и 159.

при себѣ почетный конвой изъ запорожцевъ, вручивъ команду надъ ними Головатому. Черноморцы, служа въ полкахъ своихъ, получали армейскіе чины и къ обыкновеннымъ своимъ мундирамъ присоединяли армейскія отличія, по чину; такъ премiеръ-майоры и секундъ-майоры нашивали на чекменяхъ такіе же галуны, какіе утверждены были для этихъ чиновъ на камзолахъ въ арміи. Во всемъ войскѣ введена была опрятность, чистота и единообразіе въ одеждѣ. Одежда черноморскихъ чиновниковъ состояла: изъ широкихъ турецкихъ шальваровъ, суконнаго чекменя (обыкновенно краснаго цвѣта) и верхней черкески, обложенной по борту золотымъ или серебрянымъ снуркомъ, съ откидными назадъ рукавами; черкеска у пѣхотныхъ была изъ зеленаго сукна, а у кавалеристовъ — синяго.

Склонясь на просьбу Потемкина, государыня рѣшилась посѣтить его намѣстничество и 2 января 1787 года выѣхала изъ Петербурга. Узнавъ, что она приближается къ Херсону, Головатый, испросивъ позволеніе у Потемкина, съ частію своей команды, удостоился встрѣтить Императрицу и конвоировалъ Ея Величество въ дорогѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ зачисленъ въ штатъ свѣтлѣйшаго и, находясь при немъ, всячески старался убѣдить князя къ возстановленію казачества.

«Не будетъ уже это Сѣчь» — говорилъ онъ — «но особенное войско изъ прежнихъ запорожцевъ; они будутъ имѣть свою осѣдлость и порядокъ службы, приличный времени и обстоятельствамъ».

Изъ черноморцевъ составлены были конные и пѣшіе полки, и гребная флотилія, которою командовалъ Головатый, сдѣланный *войсковымъ судьею* въ новомъ войскѣ. А кошевымъ атаманомъ, по смерти Бѣлаго, былъ избранъ Захаръ Чепега.

«Черноморскіе козаки — говоритъ генералъ Дашковъ въ своей запискѣ, — движимые духомъ усердія, во все время теченія войны той (т. е. турецкой, продолжавшейся съ 1787 по 1791 годъ), въ различныхъ дѣйствіяхъ противу непріятеля, многими мужественными подвигами оказали опыты отличной своей храбрости и соревнованія на пользу службы». Во время очаковской осады, Григорій Александровичъ Потемкинъ, жалуясь на турокъ, что они наносятъ сильный вредъ нашимъ войскамъ изъ укрѣпленія Березань, обратился къ Антону Васильевичу и сказалъ:

— Головатый! какъ бы взять Березань?

— Возмемо, ваша свѣтлость! А чи будежь крестъ за те? произнесъ Головатый улыбаясь.

— Будетъ, будетъ; только возьми, отвѣчалъ князь.

— Чуемо, ваша свѣтлость! сказалъ Головатый и спокойно вышелъ.

Свѣтлѣйшій самъ донесъ объ этомъ дѣлѣ Императрицѣ слѣдующимъ образомъ:

«Капитанъ Паша (4 ноября 1788 года) съ кораблями и фрегатами отплылъ и по показанію плѣнныхъ, пошелъ къ Царьграду. Во время пребыванія его предъ Очаковскимъ берегомъ, держа фрегаты, шебеки и всѣ мѣлкія суда, составлявшія переднюю его линію, близь острова Березани, привелъ на ономъ крѣпость въ оборонительное состояніе и старался сдѣлать невозможнымъ всходъ на берегъ сего неприступнаго острова, построивъ батареи въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ къ острову приставать можно было, а для защищенія крѣпости оставленъ отъ него довольный гарнизонъ. По удаленіи флота Турецкаго, главнокомандующій, препоручивъ войску вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ поискъ на сей островъ, приказалъ войсковому ихъ судьѣ Подполковнику *Головатому* (Антону), итти туда со всѣми своимъ лодками и стараться взойти на берегъ, разбить непріятеля и овладѣть крѣпостью».

«Предпріятіе сіе предъ лицемъ всей арміи произведено въ дѣйство съ совершеннымъ успѣхомъ. 7-го ноября по утру, козаки приближаясь къ острову, выдержали съ твердостью и мужествомъ сильной огонь непріятельской, потомъ сдѣлавъ залпъ изъ пушекъ и ружей, вскочили въ воду и вспалзывая на берегъ, бросились съ такимъ стремленіемъ, что прогнали непріятеля, отняли у него батареи и преслѣдовали до самой крѣпости, гдѣ встрѣчены были картечами; въ семъ случаѣ, поворотили они противу крѣпости орудія съ набережной батареи и съ своихъ лодокъ взятыя. Жестокая канонада ихъ, движеніе сдѣланное отъ флота, по данному сигналу, нѣсколькими фрегатами и отправленіе къ острову лодокъ канонирскихъ съ Бригадиромъ Рибасомъ, заставили непріятеля умолкнуть и просить пощады (1)». Крѣпость и островъ Березань взяты; казаки на штурмѣ потеряли одного полковаго старшину, четырехъ куренныхъ атамановъ и 24-хъ казаковъ.

Объ этомъ дѣлѣ Квитка пишетъ, что Головатый по выходѣ отъ князя: «Немедленно послалъ развѣдать о положеніи Березани и узналъ, когда большая часть гарнизона вышла изъ Березани для собранія камыша: Головатый поспѣшилъ съ флотиліею своею, пристalъ спокойно къ берегу, безъ всякаго шума высадилъ отрядъ и безъ дальняго сопротивленія завладѣлъ укрѣпленіемъ. Отпустивъ суда свои, переодѣлъ своихъ Турками и поставилъ изъ нихъ караулы. Гарнизонъ возвратился и, не предполагая ничего, безпечно входилъ малыми частями въ укрѣпленіе. Головатый забиралъ ихъ по частямъ

(1) См. Собраніе разныхъ получ. отъ Главнокомандующихъ арміями и флотомъ ко Двору донесеній. Спб. Ч. I, въ 4-ю д. л.

и, управившись какъ должно, съ ключами укрѣпленія спѣшилъ къ Потемкину».

Овладѣвъ Березанью, Головатый явился къ Потемкину. Подходя къ нему, онъ запѣлъ: «Кресту твоему покланяемся, владыко!» и вслѣдъ за тѣмъ, поклонившись и положивъ къ ногамъ князя ключи отъ крѣпости, снова запѣлъ ту же церковную пѣснь.

«Получишь, получишь», перебилъ его Потемкинъ и надѣлъ на него орденъ св. Георгія 4-й степени.

Въ 1789 году, по взятіи Хаджибенскаго замка (нынѣшней Одессы), вице-адмиралъ де-Рибасъ, описывая дѣйствія черноморцевъ, въ особенности отзывался о подвигахъ войскового судьи Головатаго: «во все продолженіе сей экспедиціи – писалъ онъ—въ доставленіи снарядовъ и провіанта, и во многихъ другихъ нужныхъ случаяхъ, великое имѣлъ я пособіе отъ войсковаго судьи Головатаго».

Антонъ Васильевичъ своимъ умомъ, жаркою любовью къ родинѣ и храбростью умѣлъ пріобрѣсти полную любовь и уваженіе великаго гетмана всѣхъ иррегулярныхъ войскъ въ Россіи (этотъ титулъ князь Потемкинъ получилъ 10 февраля 1790 года), который произвелъ его въ полковники арміи, сдѣлалъ кавалеромъ орденовъ св. Георгія 4-ой степени и св. Владиміра 3-ей степени. До самой смерти Григорія Александровича (5 октября 1791 года), Головатый постоянно пользовался его расположеніемъ.

Разсказываютъ, что одинъ изъ черноморцевъ, имѣвшій чинъ армейскаго секундъ-майора, сдѣлалъ какой-то проступокъ; объ этомъ узналъ свѣтлѣйшій, тотчасъ же призвалъ къ себѣ Головатаго и сказалъ ему: «Головатый! пожури его по своему, чтобы впередъ этого не дѣлалъ». — Чуемо, найяснійшій гетьмане! отвѣчалъ Головатый и на другой день явился съ рапортомъ къ Потемкину: «Исполнили, ваша свѣтлость». — Что исполнили? спросилъ его Потемкинъ. «Пожурили майора по своему, какъ ваша свѣтлость указали». — Какъ же вы его пожурили, разскажи мнѣ? сказалъ князь. «А якъ пожурили? просто, найяснійсшій гетьмане! Положили, та кіями такъ ушкварили, що насилу всталъ....» — Какъ? маіора?.... закричалъ Григорій Александровичъ: — какъ вы могли? «Правда-таки, що насилу смогли, насилу въ-четырехъ повалили: не давался; одначе справились. А що майоръ? не майорство, а онъ виноватъ. Майорство при немъ и осталось. Вы приказывали его пожурить; вотъ онъ теперь долго будетъ журитися, и я увѣренъ, что за прежнія шалости никогда уже не примется».

Цѣня усердіе и вѣрность черноморскаго войска, Потемкинъ щедро награждалъ отличавшихся и чрезъ Головатаго обѣщалъ, что по окончаніи турецкой войны черноморцы получатъ во владѣніе Та-

мань. Но умеръ свѣтлѣйшій и съ нимъ умерли всѣ надежды черноморцевъ. Миръ съ Турціею заключенъ, а о поселеніи черноморцевъ на Тамани не было и вспоминѣ. Одни только недобрые слухи носились между казаками: говорили, что изъ нихъ хотятъ образовать легкоконные полки, которые по очереди будутъ содержать цѣпь на кубанской линіи. Казаки, встревоженные этою этою молвою и не имѣя прежнихъ покровителей при Дворѣ, которые бы своимъ ходатайствомъ предъ Императрицею облегчили участь черноморцевъ, рѣшились прямо обратиться къ правительству, и объяснивъ ему свое положеніе, просить объ исполненіи обѣщанія князя Потемкина. Просьба черноморскаго войска была принята благосклонно, и имъ позволено было прислать ко Двору депутатовъ для объясненія ихъ нуждъ. Это было въ концѣ 1791 года.

Въ депутаты единогласно былъ избранъ Головатый, вмѣстѣ съ преміеръ-майоромъ Высочинымъ, секундъ-майоромъ Юсбашею (*) и пятью черноморцами. Во всю дорогу Головатый былъ молчаливъ, грустилъ о товарищахъ и обдумывалъ, какъ ему взяться за дѣло, къ кому прибѣгнуть при Дворѣ и кого просить о помощи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ явился къ кому слѣдовало и просилъ о скорѣйшемъ представленіи ихъ Императрицѣ. «Вельможи — говоритъ Квитка — были въ великомъ затрудненіи, какъ, при всемъ блескѣ тогдашняго двора, представить Государынѣ «дикихъ людей» страшнаго вида по необыкновенной одеждѣ ихъ, съ выбритыми головами, неговорящихъ по человѣчески, а какъ будто мычащихъ, издающихъ одни слоги короткіе, никому не понятные, по-видимому понимающихъ людскую рѣчь, потому-что отвѣчаютъ на всѣ дѣлаемые имъ вопросы; но что значатъ ихъ отвѣты: «та ни», «эге», «а тожь» — тому ни въ одномъ лексиконѣ не можно было найдти изъясненія. Взглядъ же ихъ — упаси Боже! взглядъ не человѣческій: или вовсе не глядитъ на говорящаго съ нимъ, или если уже и взглянетъ, такъ словно варомъ обдастъ. Дикость, грубость, невѣжество, готовность къ рѣшительной дерзости очень ясно изображается въ глазахъ черноморца».

Въ такомъ видѣ докладчики разрисовывали черноморцевъ Императрицѣ; но, несмотря на это, Екатерина Великая приказала представить ихъ себѣ въ первое воскресенье, на выходѣ послѣ церкви.

Придворные, на которыхъ была возложена обязанность представить депутатовъ, не знали, что̀ дѣлать съ ними, и употребляли всѣ усилія, чтобы научить хотя главнаго представителя черноморцевъ, какъ ему поклониться Государынѣ, какъ поцѣловать ея руку, если

(*) Юсбаша былъ родомъ турокъ. Онъ малолѣтнимъ взятъ былъ въ плѣнъ и вступилъ въ черноморское войско.

Императрица удостоитъ его этой милости, и наконецъ безпрестанно твердили ему, чтобы онъ говорилъ только о томъ, о чемъ будетъ спрошенъ Ея Величествомъ.

— Чуемо! отвѣчалъ имъ Головатый, опустивъ глаза въ землю.

— Но если Государыня соизволитъ спросить васъ о чемъ, какъ вы будете отвѣчать? спрашивали его наставники.

— Якъ съуміемо, отвѣчалъ онъ улыбаясь.

Наступило воскресенье; въ пріемной залѣ дворца уже съѣхался весь дворъ, весь дипломатическій корпусъ, всѣ министры и генералитетъ и съ нетерпѣніемъ ожидали выхода Императрицы изъ церкви. Вдругъ входятъ въ залу депутаты черноморскаго войска. Впереди всѣхъ Головатый, одѣтый въ зеленомъ чекменѣ, обшитомъ полковничьими галунами, въ бѣлой, съ закинутыми назадъ рукавами, черкескѣ, въ широкихъ шальварахъ и красныхъ съ высокими подковками сапогахъ. Обвѣшенный орденами, закручивая свои длинные усы, онъ сурово окинулъ глазами все собраніе и спокойно сталъ на указанное ему мѣсто; свита помѣстилась сзади его.

Въ одно мгновеніе глаза всѣхъ обратились на черноморцевъ, все заговорило, «и въ эту торжественную минуту» — разсказывалъ Головатый — «когда онъ готовился предстать Великой и отъ нея услышать рѣшеніе судьбы войска своего, сокрушался сердцемъ, что при самомъ дворѣ россійской Императрицы слышалъ русскихъ вельможъ, говорящихъ не съ иностранцами, но между собою, русскій съ русскимъ, на французскомъ языкѣ!»

Обѣдня кончилась, въ залѣ водворилась тишина, Государыня величественно вступила въ залу и, замѣтивъ черноморцевъ, медленно, съ кроткою улыбкою, приближалась къ нимъ. Увидѣвъ Императрицу, Головатый какъ-будто переродился, глаза заблистали радостію, лицо оживилось; онъ поклонился Великой и громко, ясно, на чисторусскомъ языкѣ, сталъ говорить:

«Всеавгустѣйшая Монархиня, всемилостивѣйшая Государыня! Жизнодательнымъ державнаго велѣнія Твоего словомъ, изъ неплоднаго бытія перерожденный, вѣрный черноморскій кошъ пріемлетъ нынѣ дерзновеніе вознести благодарный гласъ свой и купно изглаголати святѣйшему величеству Твоему глубочайшую преданность сердецъ ихъ. Пріими оную какъ дань, довлѣющую Тебѣ, премудрая Монархиня! Пріими.... и уповающимъ на сѣнь крылу твоего, пребуди прибѣжище, покровъ и радованіе.... Та й годи!»

Всѣ присутствовавшіе въ залѣ были совершенно поражены такою умною рѣчью Головатаго. «Но когда я начиналъ говорить» — разсказывалъ онъ — «то, при первомъ звукѣ моемъ, я увидѣлъ ясно — потому-что въ эту рѣшительную, страшную, роковую для войска на-

шего минуту я смотрѣлъ на Государыню прямо и замѣчалъ малѣйшее движеніе ея, — то увидѣлъ, что улыбка съ лица ея исчезла и замѣнилась какимъ-то изумленіемъ, смѣшаннымъ съ строгостью и даже взыскательностью, но я, начавъ говорить, долженъ былъ кончить (А що уже тѣ панычи — смѣясь сказалъ Головатый — що меня учили, вѣрно, когда услышали меня заговорившаго, не могли отъ испуга оставаться въ залѣ, а побѣжали домой). Внимая же словамъ моимъ, *мати наша* скоро восприняла свой взоръ и улыбку, съ окончаніемъ рѣчи, удостовѣряющую меня въ снисхожденіи, благоволеніи и милости. Замѣтно было, что *та й годи*, произнесенное мною отличнымъ отъ русской рѣчи тономъ и голосомъ, поразило ее и вынудило едва замѣтную усмѣшку. По окончаніи рѣчи, Государыня благоволила подать мнѣ руку. Тутъ уже я, не помня ни о какомъ приличіи, палъ на колѣни, лобызалъ троекратно руку Царицы и отъ избытка чувствъ, видя лучь надежды, разрушающій всѣ бѣдствія войска нашего, залился слезами.... Государыня постояла еще передо мною два, три мгновенія и, осчастлививъ меня царскою, благоволительною улыбкою, изволила пройти въ свои комнаты».

«Господи! какъ всѣ перемѣнились!» — прибавилъ Головатый — «первѣйшія особы бросились ко мнѣ съ поздравленіями, привѣтствіями, руки мнѣ жмутъ, просятъ знакомства, хвалятъ рѣчь, просятъ изъясненія словъ *та й годи*. Были и такіе, полагая, что я какъ попугай вытвердилъ данныя мнѣ слова, проговорилъ, не понимая въ нихъ ни силы, ни смысла, и даже «невѣму по человѣчи», и, чтобы увѣриться въ этомъ, заводили со мною разговоръ, разспрашивали о семъ и о томъ и, кажется, удивлялись, слыша мои сужденія».

Императрица, милостиво выслушавъ привѣтствіе Головатаго, приказала ему объявить, чтобы онъ немедленно подалъ князю П. А. Зубову записку о нуждахъ черноморцевъ.

Записка о дѣлѣ черноморскаго войска была составлена превосходно. Въ ней исчислены были всѣ подвиги черноморцевъ во время турецкой кампаніи; ясно показана польза, которую можетъ приносить это войско, если будетъ поселено на Таманн, и прекрасно изображалось ихъ несчастное положеніе. Эта записка написана въ двухъ экземплярахъ и въ тотъ же день подана князю Зубову и предсѣдательствовавшему въ Военной Коллегіи графу Н. И. Салтыкову. Они обѣщали вскорѣ составить докладъ объ этомъ дѣлѣ и поднести Императрицѣ.

Между тѣмъ весь дворъ и знатнѣйшія лица того времени старались познакомиться съ Головатымъ, приглашали его на обѣды, дѣлали нарочно для него вечера, съ жадностію слушали его разсказы о Сѣчи, о нравахъ и обычаяхъ черноморцевъ и всѣ дивились его уму, находчивости, ловкости и оригинальности въ сужденіяхъ и обраще-

ніи. Онъ ко всѣмъ пріѣзжалъ съ своею бандурою и, по просьбѣ хозяевъ, съ веселымъ лицомъ начиналъ играть на ней, припѣвая разгульныя пѣсни запорожцевъ; но потомъ его лицо мгновенно принимало грустный видъ, онъ запѣвалъ заунывную пѣсню, и у всѣхъ слушающихъ невольно сжималось отъ тоски сердце.

Головатый вездѣ являлся уже не прежнимъ дикаремъ, «но когда попалъ въ кругъ придворныхъ, а притомъ, имѣя на рукахъ важное дѣло», — говорилъ Головатый — долженъ былъ еще взять въ помощь волчій ротъ и лисій хвостъ».

Вскорѣ онъ былъ представленъ Ихъ Высочествамъ Александру Павловичу и Константину Павловичу.

Депутаты были приглашаемы на всѣ царскіе выходы, придворные балы, и не проходило ни одного, чтобы Императрица не обратила вниманія на Головатаго и не удостоила его своего милостиваго слова.

Однажды, на балѣ, Императрица замѣтила, что Головатый съ особеннымъ удовольствіемъ смотритъ на великихъ князей и, тотчасъ же приказавъ позвать его къ себѣ, спросила: «что онъ находитъ во внукахъ Ея, смотря на нихъ такъ пристально?»

— Любуюсь, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ Головатый: — Александръ такъ и видно, что глядитъ на всѣхъ и ищетъ, кого бы счастливымъ сдѣлать; а Константинъ... о! тотъ уже заранѣе *закидываетъ думку на Царьградъ*.

Государыня милостиво улыбнулась на это.

Его Высочество Константинъ Павловичъ часто шутилъ съ Головатымъ: танцуя польскій или идя мимо его, онъ показывалъ видъ, будто закручиваетъ усы или завертываетъ за ухо чуприну, и разъ, подходя къ нему, спросилъ: «отчего это черноморцы чуприну свою завертываютъ непремѣнно за лѣвое ухо?»

— Всѣ знаки достоинствъ и отличій, Ваше Высочество, сабля, шпага, ордена и другіе носятся съ лѣваго бока, то и чуприна, какъ знакъ удалого и храбраго казака, должна быть обращена также къ лѣвой сторонѣ.

Говоря съ придворными о великолѣпіи царскихъ залъ, онъ сказалъ: «Что́ же должно быть тамъ, гдѣ она сама, мати наша пребываетъ, когда здѣсь, куда она къ намъ нисходитъ, да такъ хорошо, каково же тамъ? — Ужь вѣрно какъ на небесахъ!» Это замѣчаніе доведено было до свѣдѣнія Императрицы. Она приказала показать Головатому эрмитажъ, кунсткамеру и вообще все замѣчательное въ столицѣ; а весною, когда дворъ переѣхалъ въ Царское Село, Головатый допущенъ былъ въ собственныя комнаты Императрицы. Осматривая ихъ, онъ сказалъ сопровождавшимъ его чиновникамъ, что еще прежъ-

де воображеніе рисовало ему эти комнаты въ такомъ убранствѣ и великолѣпіи, что настоящее ихъ украшеніе кажется для него весьма скромнымъ... Но, примолвилъ онъ: «правда, правда, Она премудрая и не занимается блескомъ». Когда ввели его въ кабинетъ Ея Величества и показали на чернилицу и перо, которыя лежали на столѣ, гдѣ она писала, то Головатый, внѣ себя, схватилъ это перо и, бросаясь на колѣни, воскликнулъ: «это перо ея?... Этимъ перомъ пишетъ мати наша мудрыя узаконенія, милости вѣрноподданнымъ, кару врагамъ,— самое то перо?...» и потомъ, благоговѣйно поцаловавъ его, положилъ на мѣсто.

Дѣло черноморцевъ подвигалось весьма медленно. Между тѣмъ дороговизна содержанія въ столицѣ большой свиты, безпрестанные разъѣзды въ Царское Село, куда переѣхали вмѣстѣ съ дворомъ тѣ вельможи, въ чьихъ рукахъ находилось дѣло Головатаго, истощили совершенно его кошелекъ. Пріискивая средства, какъ бы помочь бѣдѣ своей, онъ сложилъ пѣсню, въ которой краснорѣчиво высказалъ свое состояніе. Положивъ ее на голосъ, онъ пріѣхалъ къ одному изъ придворныхъ и, видя, «что здѣсь были такіе люди,» какъ разсказывалъ потомъ самъ Головатый, «которые въ тотъ же день донесутъ Государынѣ о всемъ тутъ происходившемъ,» рѣшился воспользоваться удобнымъ случаемъ и послѣ обѣда, взявъ по обыкновенію свою бандуру, запѣлъ:

«Ой Боже жь нашъ, Боже милостивый!
Вродились ми въ свити несчастливи!
Служили вирно у поли и на мори,
Та остались убоги, боси и голи.
Дали намъ земли отъ Днѣстра до Бугу,
Граныци намъ по бендерску дорогу.
Днистровый, Днипровый, обы-два Лиманы,
Въ нихъ добуваты, справляты й жупаны.
Прежнюю взяли, та й сю отнимаютъ,
А намъ дати Тамань обѣщаютъ.
Мы бъ туды пишли, а бы-бъ намъ сказали,
Щобъ не загубить та казацкой славы.
Ой, встань, батьку, великій гетьмане,
Милостивый нашъ вельможный пане!
То встань, Грицьку, промовъ за насъ слово:
Проси у Царыци; — буде все готово.
Дасть грамоту на вѣчность намъ житы,
Мы ій будемо вирнійше служиты!»

Слезы ручьемъ текли по щекамъ Головатаго во время всей пѣсни, а повторяя воззваніе къ Потемкину, онъ не могъ уже его окончить, отбросилъ бандуру и, громко зарыдавъ, упалъ на диванъ.

Всѣ бывшіе на обѣдѣ обступили Головатаго и просили объяснить смыслъ пѣсни. Объясняя его, онъ подробно разсказалъ о своемъ положеніи, прибавивъ: «теперь же, судя по ходу дѣла, должно выкинуть изъ головы всякую мысль о обезпеченіи нашемъ. Дѣло длится; мы проживаемъ для того, чтобы услышать отказъ.... Какъ мнѣ не оплакивать потерю нашего гетмана!...»

Головатый вполнѣ достигъ своей цѣли. Государыня узнала объ этомъ происшествіи, спросила о дѣлѣ черноморцевъ и, изъявивъ свое неудовольствіе за медленный ходъ его, приказала тотчасъ же приступить къ окончательному разсмотрѣнію. Дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ, такъ-что 30-го іюня 1792-го года Сенатъ получилъ Высочайшій указъ, въ которомъ говорилось, что: «*Войску казачьему черноморскому*, собранному покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ изъ вѣрныхъ казаковъ бывшей Запорожской Сѣчи, дана жалованная грамота на островъ Фанагорію въ Таврической области, со всѣми угодьями и землями, между Кубанью и Азовскимъ моремъ лежащими, и т. д.[1]». Въ грамотѣ, данной Императрицею черноморцамъ, было сказано, что государыня поручаетъ ихъ вѣрности и храбрости стражу кубанской линіи, предоставляетъ кошевому начальству внутренній судъ и расправу въ войскѣ, а казакамъ право торговли, рыбные промыслы, свободную винную продажу и пр.[2]. Указомъ же отъ 1-го іюля (1792 г.) приказано выдавать всякому изъ черноморцевъ, «*немедленно переселяющемуся*», денежное пособіе[3].

Узнавъ, что дѣло окончилось въ ихъ пользу, Головатый успокоился. Онъ уже надѣялся скоро получить дозволеніе ѣхать назадъ. Между тѣмъ время летѣло, а объ отправленіи депутатовъ изъ столицы не было и слуху. Наконецъ наступилъ вечеръ 10-го числа; день былъ субботній; Головатый поздно легъ спать и на зарѣ пробужденъ былъ выстрѣлами изъ крѣпости. Проснувшись, онъ всталъ съ постели и закричалъ: «А говъ, хлопци, вставайте! станемо молитися Богу, чи не пошлетъ намъ своей милости!» Хлопцы встали, помолились Богу, побѣжали на улицу узнать о причинѣ пальбы и скоро возвратились крича: «Ольга Павловна! Ольга Павловна! съ чимъ и васъ, батьку, поздравляемо....»

Разузнавъ, что Богъ даровалъ 11 го іюля, въ 3-мъ часу утра,[4]

---

(1) См. Хрон. Обоз. Ист. Нов. Края Скальковскаго стр. 215.

(2) См. Ист. Новой Сѣчи. Изд. I. стр. 362. Вотъ когда дана была черноморцамъ Высочайшая грамота на переселеніе, а Квитка говоритъ, что указъ о переселеніи данъ послѣ 11-го іюля.

(3) См. Хрон. Обоз. Ист. Нов. Края Скальковскаго стр. 215. Глава III.

(4) См. Спб. Вѣдомости за 1792 г. № 58 и Мѣсяцесловъ за 1793 годъ.

новую радость царскому дому, Головатый сказалъ: «Помолимся же Богу за маленьку царевну; нехай росте здорова, на утиху бабушки и родителямъ, а намъ на нове́ счастье». Потомъ помолившись за новорожденную, онъ оборотился къ одному изъ своихъ хлопцевъ и сказалъ: «Бижитъ якъ можно швыдче и яки перши попадете дрожки, сюда ихъ; побижимо на всю ничь въ Царское Село. А вы, хлопци, одягайтесь, будемо во дворцѣ».

Вскорѣ извощики были приведены, и Головатый съ своими черноморцами поскакалъ въ Царское Село. Не доѣзжая нѣсколько верстъ, онъ сошелъ съ дрожекъ, отпустилъ ихъ обратно въ Петербургъ, а самъ, одѣтый въ парадную форму, легъ подъ деревомъ близь самой дороги со всею свитою. Поутру всѣ вельможи въ богатѣйшихъ экипажахъ стрѣлой неслись по царско-сельской дорогѣ принести поздравленіе Великой, и видя Головатаго въ такомъ положеніи, останавливались, смотрѣли на него съ изумленіемъ; многіе даже спрашивали: «зачѣмъ онъ въ полной формѣ лежитъ на дорогѣ?» Головатый спокойно отвѣчалъ: «А какъ же? Богъ послалъ всеобщую радость, и мы спѣшимъ въ Царское Село принести и свои поздравленія».

— На чемъ же вы спѣшите? Гдѣ ваши экипажи? удивляясь говорили любопытные.

— А за что бы я нанялъ ихъ, когда мнѣ съ хлопцами скоро не за что и харчеваться будетъ.

— Такъ вы это пѣшкомъ.

— Овый на колесѣницахъ, овый на коняхъ, а мы пехтурою, туда же за добрыми людьми, чтобы исполнить долгъ свой. Рада бы мама за пана, такъ панъ не беретъ, — такъ и мы: рады бы поѣхать, такъ не на что подводъ нанять. И потомъ, какъ бы не зная, что дѣло черноморцевъ кончилось въ ихъ пользу, прибавилъ: «Какъ ни кончится дѣло наше, мы и тогда, не имѣвши чѣмъ выѣхать, взваливши торбы на плечи, также *почимчикуємъ* дома, какъ теперь сюда...»

Встрѣча съ Головатымъ надѣлала много шуму при дворѣ. Всѣ заговорили вслухъ о крайности, въ которой находились черноморцы, и кто-то довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императрицы.

Вскорѣ показался на улицѣ Головатый. Онъ шелъ ко дворцу, едва передвигая ноги отъ изнеможенія и усталости и, взойдя въ залу съ безпокойствомъ, спрашивалъ у придворныхъ: «не опоздалъ ли?», приговаривая: «сторона не близкая, Петербургъ отъ Царскаго Села; а дрожекъ нанять не могли, прожилися совсѣмъ.» При концѣ аудіенціи князь Зубовъ подошелъ къ Головатому и сказалъ, чтобы онъ пришелъ къ нему завтра.

Головатый явился. Князь, поздравивъ его съ царскою милостію, объявилъ, что въ воскресенье 18-го числа, въ день крещенія высоко-

рожденной, они будутъ представлены Императрицѣ: «для принесенія Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшей благодарности за Высочайшія милости, изліянныя на войско черноморское составленіемъ онаго въ общество гражданское и пожалованіемъ ему изобильныхъ земель на островѣ Тамани, съ знатною суммою денегъ на переселеніе онаго».

Съ радостнымъ лицомъ возвратился Головатый къ своимъ и передалъ имъ слова князя Зубова.

Какъ нетерпѣливо ожидали депутаты того воскресенья, послѣ котораго они уже могли свободно летѣть къ своимъ собратьямъ-черноморцамъ и подѣлиться съ ними давно желанною радостью. Наконецъ давно жданный день насталъ. Депутаты приготовились, явились во дворецъ и были введены въ залу. Ожидая выхода Императрицы, Головатый обдумывалъ рѣчь, которою хотѣлъ выразить свою вѣрноподданническую благодарность предъ лицомъ Великой, и когда Императрица, выйдя въ залу, подошла къ черноморцамъ, Головатый выступилъ и съ благоговѣніемъ произнесъ:

«Всеавгустѣйшая Монархиня! мы къ тебѣ прибѣгли, къ тебѣ Монархиня правовѣрная. Ты насъ приняла, яко матерь. Тамань, даръ благословенія твоего о насъ, будетъ вѣчнымъ для обитающихъ въ немъ залогомъ милостей твоихъ. Мы воздвигнемъ грады, заселимъ селы и сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ Монархиня, и любовь къ отечеству пребудутъ вѣчны! а сему свидѣтель Всемогущій Богъ!» (1)

Ея Императорское Величество удостоила Высочайшаго благоволенія слова его, допустила къ рукѣ и пожаловала ему золотую шпагу, а войску большой хлѣбъ, на которомъ оттиснуты были слова: Царское Село, — серебряную, вызолоченную солонку, съ двуглавымъ орломъ на верху, все это было положено на золотое блюдо (на солонкѣ и блюдѣ означено было время и причина дарованія ихъ черноморцамъ) и вручено Головатому. Сверхъ того, сыновей Головатаго: старшаго — Александра, 16 лѣтъ, произвели въ поручики, меньшого — Аѳанасія, зачислили въ кадетскій корпусъ; полковнику Высочину дали орденъ св. Владиміра 4-й степени, а всѣмъ чиновникамъ, которыхъ представилъ Антонъ Васильевичъ, слѣдующіе чины.

Принявъ Высочайшую грамоту, въ богатомъ ковчегѣ, хлѣбъ-соль, знамена для войска, литавры, печать съ новымъ изображеніемъ и надписью: «Е. И. В. печать Коша войска вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ» (2), — саблю, украшенную драгоцѣнными каменьями, въ на-

(1) См. Спбург. Вѣдом. за 1792 г. № 58. Эта рѣчь Головатаго совершенно опущена у Квитки.

(2) См. Ист. Нов. Сѣчи Скальковскаго изд. I, ст. 362.

граду кошевому атаману; наконецъ, получивъ отъ графа Салтыкова патентъ всѣмъ вновь произведеннымъ, Головатый со всею свитою выѣхалъ изъ Петербурга.

На дорогѣ Головатый составилъ церемоніялъ: встрѣча депутатовъ, принятія царскихъ милостей, и сложилъ на этотъ торжественный случай пѣсню, которую вмѣстѣ съ церемоніяломъ послалъ, съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ, къ кошевому.

Прибывъ къ рѣкѣ Бугу, Головатый отправилъ гонца къ кошевому съ извѣстіемъ о себѣ; кошевой отрядилъ 500 конный полкъ, съ полковникомъ, старшинами и значкомъ для встрѣчи депутатовъ; конвой встрѣтилъ ихъ въ 30 верстахъ отъ Слободзеи, въ урочищѣ Кучурганѣ, и провожалъ до селенія кошевого, гдѣ 15 августа въ 7 часовъ утра войско собралось и построилось, по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой должны были итти депутаты, въ двѣ лавы (линіи); правый флангъ ихъ выдавался далеко за селеніе кошевого, а лѣвымъ онѣ примыкали къ войсковой церкви, близь которой устроено было возвышенное мѣсто, покрытое турецкими коврами; на нихъ стоялъ покрытый парчею столъ, на которомъ предназначено было положить царскіе дары. По лѣвую сторону возвышенія стояли полукружіемъ старшины съ булавами, знаменами и значками; по правую — духовенство въ облаченіи, а вокругъ — множество зрителей. На возвышеніи стали кошевой и войсковой писарь. Коль скоро Головатый приблизился къ лавамъ, сдѣлано было 3 пушечныхъ выстрѣла, и тогда кошевой отрядилъ отъ себя нѣсколькихъ старшинъ, для встрѣчи депутатовъ, съ хлѣбомъ и съ солью. Головатый, принявъ хлѣбъ и соль и поблагодаривъ старшинъ, двинулся между лавами къ кошевому въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 4 штабъ-офицера несли на блюдѣ монаршій хлѣбъ, покрытый матеріею; за ними онъ самъ несъ на пожалованномъ блюдѣ солонку и грамоты; съ нимъ несли малолѣтнія дѣти его — Аѳонасій — письмо къ кошевому (1), а Юрій всемилостивѣйше пожалованную ему, осыпанную каменьями, саблю. Какъ скоро депутаты вступили въ строй, началась пальба изъ пушекъ и ружей и продолжалась до тѣхъ поръ, пока приблизились къ кошевому. Послѣ краткаго привѣтствія, Головатый отдалъ по порядку всѣ Высочайшіе дары и препоясалъ кошевого саблею. Кошевой, поцаловавъ хлѣбъ, положилъ его на столъ, а грамоты отдалъ войсковому писарю, который прочелъ ихъ вслухъ предъ войскомъ и возвратилъ кошевому. Послѣ этого поздравилъ войско съ высочайшими милостями: «*ой спасибъжъ нашей Матерѣ за ея милость*», — былъ единодушный отвѣтъ войска на поздравленіе кошевого. Между тѣмъ несшіе хлѣбъ 4 штабъ-

(1) Этотъ церемоніялъ много сокращенъ и измѣненъ у Квитки.

офицера взяли столъ съ поставленными на немъ монаршими дарами и понесли въ церковь; предъ ними шло духовенство, а за ними кошевой съ судьею, писаремъ и войскомъ. Войдя въ церковь, столъ поставили предъ иконою Спасителя, и Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, съ архимандритами и прочимъ духовенствомъ совершалъ божественную литургію и по окончаніи произнесъ краткую рѣчь:

«Сорадуюсь благополучію вашему, христолюбивые и вѣрные вѣрнаго Коша воины! Уже скорбь и смущеніе отъяты отъ сердецъ вашихъ, уже бытіе ваше незыблемо. Всеавгустѣйшая Монархиня утвердила вамъ его и вкупѣ облаготворила. Воззрите на сіи Ея милостивѣйшія десницы начертанія. Они представляютъ вамъ залогъ священный. Помыслите о Монаршемъ Величествѣ и своемъ состояніи. Кто служитъ по долгу престолу, имѣетъ право требовать и опредѣлять себѣ награжденія? Все, что́ бы ни дѣлали мы въ отношеніи къ нему, есть наша обязанность, есть слѣдствіе нашей вѣрности, любви и повиновенія. — Но Вседержавнѣйшая наша Монархиня есть вкупѣ и Всемилостивѣйшая. Вы слышали тѣ похвалы, коими удостоила она ваши ратные подвиги и прочія добродѣтели, вы сподобились ихъ отличнымъ образомъ. И что можетъ быть славнѣе, что честнѣе, какъ похвалы Великія во вселенной Монархини? Титлы съ бытіемъ нашимъ исчезнутъ; драгоцѣнности прейдутъ въ руки другихъ. Начертанія Монаршія десницы, ублажающія ваши подвиги, пребудутъ на всегда вамъ собственны. Но не сіе едино содержатъ они. — Вы слышали, что щедрота Ея уготовала вамъ земли и воды, благословенныя изобиліемъ потребностей житейскихъ: вопросите, если сомнѣваетесь, вопросите о семъ собратіи вашихъ, видѣвшихъ оныя. Вы слышали, что ввѣряетъ Она вамъ храненіе предѣловъ противу татьскихъ нападеній иноплеменниковъ и стражу тишины соотечественниковъ; напослѣдокъ вы слышали и другія особенныя милости. Мнѣ кажется, что каждое тамъ начертаніе есть новый оныхъ опытъ; воззрите еще и на сіи безцѣнныя высокихъ Ея къ вамъ благоволеній знаменія, коими вы обрадованы отъ десницы Ея? Снисходя отъ высоты Величества своего, напутствуетъ васъ ими, какъ сущими залогами Матерьняго своего о васъ попеченія. Того ради все сіе вообразивъ, принесите днесь благодареніе Господу, принесите и Монархинѣ, толико благотворительной, толико снисходительной. Лобзая хлѣбъ сей, лобзайте мысленно самую десницу, оный вамъ пославшую. Шествуйте руководимы Божіимъ ангеломъ въ мѣста, куда предварили уже собратіи ваши. Потщитесь тамо оправдать высокое надѣяніе Всеавгустѣйшей Монархини, да сохранитъ ваше бодрствованіе покойно другихъ, ваше благоразуміе да воздержитъ пріученныя къ хищенію чуждыхъ

сосѣдей руки; да тишина, безопасность, согласіе, довольство навсегда посреди васъ обитаютъ.»

За тѣмъ совершено было, съ колѣнопреклоненіемъ, молебствіе о здравіи государыни и всего царскаго дома; во время молебна сдѣланы были 101 выстрѣлъ изъ пушекъ и три залпа изъ ружей. Послѣ этого царскіе дары перенесены въ домъ кошевого; тамъ пожалованный хлѣбъ раздѣленъ былъ на 4 части: одна изъ нихъ положена въ войсковой церкви, другая отправлена на Тамань къ войску, служащему во флотиліи, третья раздѣлена на полки при кошѣ, четвертая поставлена на столѣ у кошевого. Тутъ старшины пили горѣлку и ѣли этотъ хлѣбъ, а остатки, съ такою же церемоніею, отнесены въ домъ войскового судьи, гдѣ приготовленъ былъ столъ для почетнѣйшихъ гражданъ, а прочіе старшины и часть духовенства остались обѣдать у кошевого. Для полковниковъ же и казаковъ накрыты были 5 столовъ, на травѣ, близъ церкви; къ нимъ принесенъ монаршій хлѣбъ подъ значками, и они также ѣли его, пили горѣлку за здравіе Императрицы и стрѣляли изъ ручного оружія.

За обѣдомъ у войскового судьи Головатаго, при возглашеніи тоста за здравіе Ея Императорскаго Величества сдѣланъ 101 выстрѣлъ; за Его Императорское Высочество съ высокою фамиліею съ любезнѣйшими дѣтьми 51 выстрѣлъ. Потомъ пили за синодъ, сенатъ, за все православное россійское воинство, за кошевого съ старшинами, за черноморскій Кошъ и все его войско, за гостей и т. д., во время стола пѣли сочиненную Головатымъ пѣсню:

«Эй годи жь намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ Царици за службу платы.
Дала хлибъ, силь и грамоти за вирныя службы:
Отъ теперь мы, мили братья, забудемъ вси нужды.
Въ Таманѣ жить, вирно служить, границю держати,
Рыбу ловить, горилку пить, ще й будемъ богати,
Да вже треба женитися и хлиба робити,
Кто прійде къ намъ изъ невирныхъ, то якъ врага бити.
Слава Богу и Царицѣ, а покой Гетману!
Заличили намъ въ сердцахъ нашихъ велику рану.
Благодаримъ Императрицу, молимося Богу,
Що намъ Она указала на Тамань дорогу.» (1)

Послѣ обѣда, помолившись Богу и пожелавъ долголѣтняго здравія высокой благодѣтельницѣ своей, старшины казаки разошлись по домамъ (2).

(1) Эта пѣсня нѣсколько измѣнена у Квитки.

(2) См. Спбург. Вѣдомости за 1792 годъ № 80. Извѣстія изъ Слободзеи на рѣкѣ Днѣстрѣ отъ 19 августа.

Весною 1793 года черноморцы стали переселяться на Тамань и другія земли, лежащія къ востоку отъ Азовскаго моря до Ейска (1) и основали тамъ городъ, который, по просьбѣ Головатаго, названъ Екатеринодаромъ.

Въ 1796 году часть войска черноморскаго, подъ командою Головатаго, участвовала въ персидской кампаніи.

По смерти кошевого Чепеги, императоръ Павелъ I назначилъ на его мѣсто Головатаго.

Въ январѣ 1797 года Антонъ Васильевичъ занемогъ горячкою, но все перемогался, не ложился въ постель и постоянно занимался дѣлами. 26 числа, предчувствуя приближеніе кончины, отмѣтилъ бумаги, которыя должны быть отправлены на другой день 27 числомъ, и самъ вскорѣ тихо скончался, сидя на креслахъ, въ мундирѣ.

---

(1) См. Географію Россійской Имперіи, сост. Павловскимъ, часть I, ст. 196 и ч. II. стр. 182.

Г. Павловскій несправедливо говоритъ, что за отличіе, оказанное ими (т. е. черноморцами) во время Турецкой войны, они *переведены Потемкинымъ*, въ 1792 году, на островъ Тамань, и т. д., тогда-какъ Потемкинъ еще 5 октября 1791 года умеръ на дорогѣ въ 38 верстахъ отъ Яссъ. См. Слов. Дост. Люд. Рус. земли, ч. IV, ст. 221., сост. Бант.-Камен.

А. С-Р.